

СЛУЧАЙ С

У очаровательной молодой американки Кэтти, к сожалению, было два недостатка: во-первых, она упорно не хотела иметь детей, во-вторых, на каждом шагу привирала. Прелестную юную леди, можно сказать, окутывала атмосфера обмана. Начать с того, что появилась она на свет не американкой, а французской. Это и не удивительно, так как написал ее французский драматург М. Мейо. Но затем Кэтти попала в руки американского литератора М. Эннекена, который перенес ее приключения в Чикаго. Уже в этом варианте история обаятельной вруши была переведена на русский язык — это было уже довольно давно — и начала эпидемическое шествие по сценам периферийных и даже некоторых столичных театров. Творение двух буржуазных драматургов тогда по достоинству оценили многие органы советской печати, и вскоре Кэтти вроде бы навсегда успокоилась во мраке театральных архивов.

Но нет! Сильны чары Кэтти! Уже в наши дни перед ними вновь не устоял ряд театров, в том числе Усть-Каменогорский областной драмтеатр имени Джамбула. И мотылек из Чикаго, стряхнув с крылышек нафталин, вновь закружил перед несколькими ошарашенными зрителями.

Мысль, заложенная драматургами в основу произведения, проста, как вода глоток: буржуазная семья должна быть хорошей буржуазной семьей, буржуазная жена должна быть хорошей буржуазной женой — не лгать мужу, не быть легкомысленной и, выполняя свой долг, рожать хороших детей — наследников «дел» и состояний. Для доказательств этой истины сочинена следующая история. Упомянутая Кэтти настолько запуталась во лжи — впрочем, совершенно невинной, — что ее муж, Вильям Гаррисон, уходит от нее. Однако, если у Кэтти будет ребенок, Вильям непременно вернется — он обожает деток. Беда в том, что получить ребенка, так сказать, естественным путем уже поздно — Вильям уехал... А что, если взять через несколько месяцев младенца из воспитательного дома, а Гаррисона убедить, что это его сын?

Так Кэтти с помощью своей подружки Мэджи и ее мужа Джимми Скотта и сделала. Увы, Гаррисон приехал на сутки раньше, чем его ожидали, и поэтому вышла страшная, как говорится в пьесе, «катавасия». Младенца из приюта пришлось попросту

украсть, его требуют вернуть, тогда, чтобы заменить его, «берут напрокат» у знакомых одного за другим двух близнецов. И т. д. и т. п.

Беда не в том, что «Лгунья» — фарс. Беда в том, что это ремесленная поделка, пропагандирующая фальшивую буржуазную мораль, воспевающая плоскую мешанскую «поэзию». Правды жизни тут ни на грош, а пошлости — в избытке.

Усть-каменогорские актеры стараются. Очень стараются. Когда одному из персонажей говорят, что он должен будет заменить младенцам кормилицу, артист, играющий его, переспрашивает с истерическими нотками в голосе: «Я? Кормилицу?!» — и судорожно ощупывает себе грудь. Он же появляется на сцене в разорванной одежде и с ручкой зонтика на шею. Другая героиня — в разорванной и тщательно выпачканной грязью юбке. В воздухе поминутно мелькают туфли, пеленки, игрушки — настоящее состязание в метании. Само собой разумеется, что актеры поддают друг другу под зад, прячутся в портфеле, садятся на шляпу.

Человек слаб — от смеха на спектакле удержаться трудно. Только потом за этот смех становится стыдно.

Удивительный спектакль. Давно я не видел ничего подобного.

А ведь в Усть-Каменогорском театре работают талантливые артисты, опытные режиссеры, люди, которым по плечу настоящее большое искусство («Лгунья» от него, разумеется, отделяет астрономическое расстояние). На той же сцене, где режутся «Лгунья», я видел поставленную за служеным артистом республикой Н. Курганским «Бесприданницу». Это не шедевр театрального искусства, но это серьезная, вдумчивая работа. Сложная пьеса прочитана правильно, квалифицированно. Особенно убедительны купцы — Вожеватов (В. Корниенко) и Кнуров (А. Граевский). Кнуров разве чуть холодноват, ему немного не хватает хищной страстности, которая должна чувствоваться за внешней сдержанностью Мокия Пармсныча. Молодая артистка С. Филатова еще не совсем уверенно держится в роли Ларисы. Логика развития образа прочерчена у нее верно, но играет актриса словно вполнакала, без больших взлетов мысли и чувства, которые неотделимы от образа Ларисы. Впрочем, можно надеяться, что эти взлеты еще придут — спектакль пока в процессе становления. Огорчил ме-

20 ФЕВ 1963

КАЗАХСТАНОСЫЗ ПРАВИМ

Г. АЛМА-АТА

ЛГУНЬЕЙ

ня В. Ильцевич, знакомый алма-атинским зрителям по спектаклям ТЮЗа. У него, казалось бы, все данные для роли Карандышева, а вот — не получилось. В. Ильцевич так подчеркивает «величание», неумную заносчивость своего героя, что его Карандышев совершенно ушел в лагерь врагов Ларисы. А ведь этот смешной и недалекий маленький человек — тоже жертва хищных «хозяев жизни» и имеет право на определенное сочувствие актера и — следовательно — зрителей.

Но при всех упомянутых и неупомянутых недочетах «Бесприданница», повторяю, — серьезный спектакль, создатели которого ставили перед собой серьезные и благородные цели. Как же «Бесприданница» оказалась в одной компании с «Лгуньей» (за десять дней моего пребывания в Усть-Каменогорске только эти спектакли и шли)?

За последние годы о театре Восточного Казахстана писалось немало. Говорили о нем в центральных журналах и республиканских газетах. Говорили по сути дела одно и то же: театр постепенно теряет былые завоевания, воспитательные задачи здесь стали заслоняться стремлением лишь развлечь зрителей, из гражданской трибуны он превращается в заурядное место отдыха, нечто вроде «комнаты смеха». Это очень серьезные обвинения, и коллективу давно следовало задуматься над ними. Но, к сожалению, этого до сих пор не произошло.

На это есть свои причины. Дело в том, что финансовые показатели работы театра в последние годы вполне удовлетворительны. Это и позволяет ему числиться в ряду благополучных.

Создалось мнение, что коммерческое благоденствие достигнуто за счет постановки так называемых кассовых, то есть развлекательных спектаклей. Я сильно сомневаюсь в этом — уж что может быть «кассовее» «Лгуньи», а на том спектакле, на котором я был — одним из первых спектаклей! — в зрительном зале сидело всего человек двадцать пять—тридцать. Н. И. Курганский показывал мне составленные им таблицы, по которым получается, что такие серьезные спектакли, как «Океан», «Рассудите нас, люди», «Чти

отца своего», привлекают куда больше зрителей, чем водевили и мелодрамы, являющиеся сейчас ядром репертуара театра. Тем не менее мнение о доходности «легких» вещей существует, и оно-то подспудно определяет репертуарную политику Усть-Каменогорского театра.

Конечно, то, что театр выполняет финансовый план, прекрасно. Но нам отнюдь не безразлично, за счет чего выполняется план. Если коммерческий доход достигается за счет морального расхода, если в погоне за ним театр утрачивает свое значение пропагандиста коммунистических идей, воспитателя зрителей, то только близорукий чиновничий взгляд может усмотреть тут положительный баланс.

Разумеется, в коллективе усть-каменогорцев многие это хорошо понимают. Мне рассказывали недавний случай, когда во время репетиций «Лгунья» молодой артист В. Поздний, исполнитель главной мужской роли, пришел к режиссеру и положил на стол роль: отказываюсь играть в этой дряни!

Случай беспрецедентный. Может быть, хоть он насторожил руководителей труппы? Что же они сделали? Собрали собрание и заставили В. Позднего играть «в дисциплинарном порядке». Интересно, какими словами «старшие товарищи» убеждали молодого актера не отказываться от халтуры!

Да, неблагополучно в коллективе Усть-Каменогорского театра. И в связи с этим никак нельзя назвать принципиальной позицией главного режиссера Н. И. Курганского. В театре он последние дни, на многих обижен и по сути дела на работу коллектива, который он пока все же возглавляет, махнул рукой. Линия на «развлекательность» ему не по душе, но сопротивляется ее сторонникам главный режиссер вяло, в основном, чтобы невинность соблюсти. А поклонники кассовости во что бы то ни стало активны, энергичны — и уже добрались до «Лгуньи».

Вот на какие невеселые размышления натолкнул развеселый спектакль на усть-каменогорской сцене.

П. КОСЕНКО.

г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК.